

Владимир КЕЛЛЕР

СТИХИ

УРОКИ ИЗ ЗАБОЯ

*Ребячий гам шахтёрских заокраин
Мог и тогда немало удивить:
Рожали бабы, устали не зная,
С войны изголодавшись по любви.*

*С послевоенных детских фотографий
На мир ребята толпами глядят.
Росли посёлки взрывом демографии.
Мать-героинь шахтёрских тесен ряд.*

*Росли мальчишки. В возрастные стайки
Сбивались, свой имея интерес.
Друг другу тайны доверяли без утайки –
А что таить, у всех один замес.*

*Мы, сыновья, о шахте знали столько,
Что знал не каждый зрелый углекоп.
Мы отыскиали брошенную штольню,
А от неё десяток тайных троп.*

*Мы знали, что у бремсбергов есть устья,
Как класть колодцы сбоечных штреков,
А перемычки – из бетонных брусьев,
Органный ряд сосновых кругляков.*

*Мудры с войны вернувшиеся папки,
Та мудрость – всё, что им дала война.
Мы унаследовали даже недостатки:
Щепоть махорки и глоток вина.*

*Мы в шахту шли гурьбой не для забавы,
И труд отцов для нас был не пустяк,
Тем более когда к солдатской Славе
«Шахтёрской славы» добавлялся знак.*

*Отцов уроки вам не ремеслушка,
Хотя уроки издали, впригляд.
В забое нас поймают и за ушко
На солнышко ведут, как дошколят.*

*Фронтовики-отцы старели рано.
Им не пристало с нами унывать.
Взамен ушедшему на отдых ветерану
Один из сыновей готов был встать.*

*Мы посвященья таинство откроем:
Когда в забой спускался новичок,
С него срывали робу – и в забое
Уже не молодой шахтёр, а чёрный чёрт.*

*И он доказывал, что может, хоть и молод,
Рубить стахановской шкалою мер.
Трещит под кровлей неустанно молот –
Одолевает молодость барьер.*

*Со стороны мы наблюдали, чтобы
Самим увидеть этот чёрный шторм.
А вам слабо с пласта срубить без робы
Всего за смену целых десять норм?!*

ТАК ВЫВОДИЛИ ЛОШАДЕЙ

*Рудничный двор заполнен пацанами.
От новости тревожный поворот:
Из шахты поднимают клеть с конями
И отправляют на мясозавод.*

*Отконогонили своё тяжеловозы,
И нет нужды их в вагонетки запрягать.
Коней в депо теснят электровозы –
Пора со временем и нам вперёд шагать.*

*Скребков не знали сваленные гривы.
И крупная слеза стекает с век.
Глаза коней – большие черносливы,
От солнца ярого потухшие навек.*

*В слепых глазах застыла боль печали.
Суставы отработанно скрипят.
Жизнь обошла их тёплыми ночами,
Травую, солнцем, ржаньем жеребят.*

*Коней по трапу заводили в кузов,
Роняли кони крупную слезу.
И коногонщик старый деда Кузя
Кричал: «Не дам коней на колбасу!»*

*Перед машиной широко раскинул руки.
И бледным стал он от душевных мук.
Ему труднее всех в часы разлуки.
Домой уводит деда Кузю внук.*

*Мы, закалённые в междоусобных драках,
По всем законам уличных боев
Не смели от любых ударов плакать,
А тут не выдержали и пустились в рёв.*

*Никто не спрашивал последнего желанья.
Коням стреноженным насыпали овса...
Как горек хлеб шахтёрского призванья
Коней, друзей, соседей и отца!*

ПОСАДЧИК ЛАВЫ СПИРИДОН

*Посадчик действует совсем не по уставу
И применяет только свой закон.
На всю округу чемпионской славой
Известен доминошник Спиридон.*

*А в шахте ходит тихо, озабочен.
Он каждой стойке отдаёт поклон.
О нём молва: он на ухо заточен
И даже волос слышит Спиридон.*

*Вот лава напружинилась к посадке...
Мы убедились, что забой живой:
«Гудит», «играет», «задаёт загадки»,
«Пугает», «корчится», «заводит вой».*

*Как будто недра Спиридону снова
Донесят гипнотический посыл.
К живому дереву он обращает слово
И к повелителю подземных сил.*

*Одни лишь губы оживляют шёпот.
И наступает тягостная тишь.
Тут вся надежда на шахтёрский опыт,
На инструмент из длинных топорниц,*

*На интуицию, везение, удачу
И на молитву, на нательный крест.
Удар! Ещё удар! И кровля скачет,
И спичками трещит рудстоек лес.*

*Посадка лавы – взрыв огромной мощи.
Посадчиков, хотя настороже,
Волной впрессовывает в пластовую толщу
На днище ниши в угольной меже.*

*Садится лава точно, без осечки,
Огромной тяжестью надшахтных гор.
В секунды запрессованная вечность
Выходит эхом на земной простор.*

*А после смены, в олимпийке синей,
На звонкой крышке битого стола
Вам Спиридон покажет, как по силам
Ему забить шахтёрского козла.*

г. Междуреченск

